

Приводим отрывок главы «Безопасность» из книги М.С. Докучаева, в которой автор приводит информацию подтверждающую существование заговора высших военачальников РККА против руководителей Советского Союза, в том числе против И.В. Сталина.

В продолжение материала о репрессиях высших военачальников РККА в конце 30-х, начале

40-х

годов, ранее напечатанном

на нашем

сайте, мы приводим отрывок главы «

Безопасность

»

из книги

М.С. Докучаева, которая была опубликована

в декабре

2008 года

в газете

«

Новости разведки

и контрразведки

»

(№13 (229)).

В своей

книге М.С. Докучаев приводит информацию подтверждающую существование заговора высших военачальников РККА против руководителей Советского Союза,

в том

числе против И.В. Сталина.

Генерал-майор М.С. Докучаев с июля 1975 по май 1989 года был заместителем начальника _____ 9-го

Управления КГБ СССР. Прослужив длительное время

в службе

охраны руководителей Советского Союза, видных политических

и общественных

деятелей СССР, которое осуществляло

9-е

управление КГБ СССР, М.С. Докучаев

по долгу

службы знал многие факты подготовки покушений

на руководителей

Советского Союза.

Главу «Безопасность» приводим с небольшим сокращением.

ИАС КПЕ

БЕЗОПАСНОСТЬ

В нашей стране террор имеет глубокие корни. Его основоположниками являлись народники, которые провели ряд акций такого плана против русских царей, известных высших сановников государства Российского. Всё это заставило тогда принять неотложные меры по

усилению

охраны царской семьи, важных государственных деятелей.

Под эгидой

III отделения

Тайной канцелярии были созданы многочисленные службы охраны, которые, судя по оставшимся

архивным материалам, осуществляли весьма квалифицированные мероприятия по обеспечению

безопасности царя, его супруги, министров, губернатора

при их

поездках

по столице

и в другие

места,

во время

участия

в различных

церемониях, парадах, смотрах

и протокольных

визитах.

Последователями народников стали эсеры, ярким представителем которых был

Б.В. Савинков. Они осуществили серию террористических актов против советских руководителей, таких, как народный комиссар по вопросам печати, пропаганды и агитации

В.М. Володарский, председатель Петроградского ЧК М.С. Урицкий, и другие.

30 августа

1918 года

у выхода

с завода

Михельсона ими было совершено злодейское покушение на В.И. Ленина.

Эсерка

Фани Каплан (Ройтблат)

два раза

в упор

выстрелила

в Ленина.

Впоследствии Б.Савинков

в своих

мемуарах «Записки террориста» писал,

что

«Каплан стреляла

в Ленина

из револьвера,

который

я вручил

ей лично»

.

3 сентября

Каплан была расстреляна.

В Москве

были арестованы вдохновители этой

акции —

Локкарт

и многие

его пособники

из английской

и других

разведок, которые были вскоре обменены

на видных

большевиков.

После покушения и ранения В.И. Ленина по предложению Ф.Э. Дзержинского,

принятому советским правительством, была выделена группа красноармейцев

из числа

бойцов отряда ВЧК-свеаборгцев, которая составила охрану Ленина. Это решение было

первым актом принятия мер безопасности

в отношении
советских руководителей, положившим начало службе безопасности.

Охрану Ленина в то время возглавлял Р.М. Габалин. В неё входили: его брат
А.Х. Габалин, К.А. Дунц, его брат Я.М. Рубашевский, Цируль, Инта, Слесарев, Пизан,
Чебанов, Пакалн и другие.

Ответственность
за безопасность

В.И.Ленина возлагалась

на заместителя

председателя ВЧК Я.Х. Петерса

и А.Я. Беленького,

который

с 1919 года

стал начальником его охраны. Чекистов

для личной

охраны Ленина подбирал сам Ф.Э.Дзержинский,

что в дальнейшем

стало традицией, заключающейся

в том,

что руководитель

органов государственной безопасности был главным куратором этой службы.

В последующие годы в связи с гражданской войной и внутренними распрями, когда

реакция совместно

иностранными

интервентами

не только

угрожала жизни

и существованию

Советской республики,

но и ставила

своей первоочередной целью физическое устранение Ленина

и его

соратников, происходило дальнейшее совершенствование

и усиление

службы охраны руководителей партии

и советского

правительства.

с

Борьба с оппозицией, которая в первую очередь носила характер борьбы за власть,

наложила
на эту
сторону деятельности службы охраны свой отпечаток. Совместно
со спецслужбами
западных стран, особенно Германии, следуя установкам Троцкого
на террор,
внутренняя оппозиция делала всё, чтобы объединенными усилиями нанести удар
по советской
власти
и реставрировать
в России
капитализм. Свои главные усилия они направляли против Сталина
и
ЦК партии, ставили задачи перед своей агентурой
о физическом
устранении
с политической
арены
и из жизни
также Молотова, Ворошилова, Кирова, Кагановича
и других
видных деятелей ВКП(б)
и Советского
государства. Такая информация тогда поступала
по каналам
советской разведки
и контрразведки,
об этом
ярко свидетельствовали показания подсудимых
на московских
процессах
и террористические
акты, имевшие место против советских руководителей.

В сентябре 1932 года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотов
предпринял поездку по горнорудным и промышленным районам
Сибири. После посещения одной
из шахт
Кузбасса машина,
на которой
он ехал, внезапно свернула
с дороги
и покатилась

с насыпи.

Она опрокинулась

и остановилась

на самом

краю оврага. Молотов

и сопровождавшие

его лица отделались легкими ушибами

и чудом

избежали смерти. Машиной управлял Валентин Арнольд, член местной троцкистской организации, которой руководил известный подручный Троцкого Шестов.

По его

заданию Арнольд должен был совершить террористический акт. Он

не удался

лишь только потому,

что водитель

в последний

момент потерял самообладание

и затормозил.

Это подтверждает и сам Молотов: *«Было покушение в Прокопьевске. Шофёр дал показания,*

что в

последний

момент передумал, там пропасть была. Неизбежно

не только

меня

убило бы,

но и его

тоже».

Боевики из нелегальной заговорщической организации проследили в Москве маршрут поездок

на

работу

народного комиссара обороны К.Е. Ворошилова. Они несколько дней дежурили

на улице

Фрунзе,

но его

машина, как правило, шла

на большой

скорости,

что не позволяло

эффективно осуществить террористический акт. Террористу Богдану было поручено

убить Сталина
на одной
из партийных
конференций. Он сумел
в мае
1934 года
проникнуть
в зал
заседания,
но не смог
приблизиться
к месту,
где находился Сталин.
К тому же
в последний
момент Богдан заколебался.
На следующий
день он был убит
у себя
на квартире.
Его устранил Бакаев, один
из бывших
помощников Зиновьева
по Ленинграду.
Этого отъявленного убийцу Зиновьев
и Каменев
после совершения государственного переворота прочили
на должность
председателя ОГПУ,
с тем,
чтобы замести
все следы
преступлений оппозиции.
Об этом
Бакаев поведал
на следствии
и судебном
процессе.

Однажды бакаевские боевики стреляли по катеру, полагая, что на нем совершал прогулку Сталин вдоль побережья Черного моря.

Самой зловещей жертвой оппозиционеров был С.М. Киров (Костриков), первый секретарь Ленинградского крайкома партии, ближайший соратник Сталина. Это был первый и довольно ощутимый террористический акт, и удар по советскому руководству. О готовящемся покушении на Кирова знали в Москве высокие представители «правотроцкистского блока». Они считали, что этот акт приведёт советское руководство в замешательство и послужит сигналом к проведению других подобных террористических акций.

О покушении на Кирова знал и Г.Г. Ягода, бывший в то время наркомом внутренних дел. Он всячески способствовал проведению этого теракта, скрывал подлинных его виновников и вдохновителей и уничтожал чекистов, которые могли дать правдивые показания по делу об убийстве С.М. Кирова. Поэтому он является одним из самых гнусных участников заговора против советских руководителей, наиболее активным пособником злодейского убийства С.М. Кирова. Свидетельством этому служит тот факт, что накануне покушения, а точнее, 15 октября 1934 года охрана ОГПУ задержала около Смольного некоего Николаева. У него обнаружили револьвер и записную книжку с маршрутом поездок Кирова на работу и обратно

домой. Ягоде немедленно доложили
об этом,
но он
дал приказ своему сподвижнику, заместителю начальника управления НКВД
по Ленинградскому
краю Запорожцу, освободить террориста
без допроса.

1 декабря 1934 года Николаев совершил убийства С.М. Кирова в коридоре Смольного,
когда он шёл
к своему
кабинету. Убийца выстрелил
в него
сзади, через три минуты Киров скончался.

На процессе 1938 года Ягода скажет: *«В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об
уже
состоявшемся решении «правотроцкистского блока»
об организации
убийства Кирова.
В этом
решении принимал участие Рыков. Мне стало известно,
что троцкистско
-зиновьевские террористы ведут конкретную подготовку этого убийства. Енукидзе
настаивал
на том,
чтобы
я не чинил
препятствий этому делу.
В силу
этого
я вынужден
был предложить Запорожцу...
не препятствовать
совершению теракта над Кировым».*

Ягода на процессе также категорически заявил, что по решению «правотроцкистского
блока» было проведено
не только
убийство Кирова,

но и другие
террористические акты.

Все это, а также информация, полученная по каналам ОГПУ-НКВД о преступных замыслах оппозиции и иностранных спецслужб заставили органы госбезопасности принять должные меры к усилению службы охраны советских руководителей и особенно И.В.Сталина.

В этих целях в составе ОГПУ был создан специальный Оперативный отдел, а также значительно увеличены штаты подразделений безопасности и охраны руководителей партии, видных членов правительства, выдающихся военачальников и ученых. Каждый из них теперь имел личную охрану, специальный обслуживающий персонал, охрану мест жительства. Автомшины, в которых они совершали поездки по городу и в другие районы страны, были оборудованы специальными средствами защиты, трассы проезда усиленно охранялись сотрудниками безопасности.

Личный состав Оперативного отдела проходил боевую подготовку по особой программе и нёс службу весьма квалифицированно. Большое значение при этом обращалось на организацию и обеспечение безопасности при проведении крупных партийно-правительственных мероприятий

с участием
высоких советских руководителей.

Все эти меры принимались руководством страны и органами государственной безопасности ещё _____ и по другой причине. Как раз в это время стала поступать тревожная информация относительно высоких советских военачальников. Из доклада наркома Ежова следовало, что Троцкий в интервью в Осло сказал: *«В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня помнят».*

По полученной из Парижа и, в частности, из кругов белоэмигрантского «Русского общевойскаского Союза» информации утверждалось, что «в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот, во главе которого стоит маршал М.Н. Тухачевский».

Начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий доложил Сталину и Ворошилову, что в Германии ходят слухи о наличии оппозиции руководству среди высшего военного руководства.

Вышеизложенная информация в условиях того времени имела весьма серьёзное значение. Она позволила Ежову _____ и военной контрразведке повести широким фронтом работу среди командного состава, выявить заслуживающие внимания _____ в этом

направлении факты
и произвести
многочисленные аресты.

Люди довоенного поколения хорошо помнят процесс над военачальниками во главе с М.Н. Тухачевским.
Как утверждалось
в обвинительном
заключении
на суде,
возглавляемая им группа военных готовила государственный, «дворцовый» переворот
в стране
и была
связана
с военной
разведкой фашистской Германии. Выявилось также,
что положение,
которое занимал Тухачевский
в высшем
эшелоне руководства Красной Армии, позволило ему стать
во главе
группы командиров, бывших царских офицеров, находившихся
в то
время
на ключевых
постах
в Генеральном
штабе, округах
и соединениях.
Эта плеяда командиров хотя
и была
на высоких
должностях, однако считала
для себя
унижением
и даже
в некоторой
степени оскорблением
и обидой
служить
под руководством
самоучек
и партизан:

Ворошилова, Буденного
и других
«царицынцев».

«Все они крайне отрицательно относились к Царицыну. Само слово «царицынцы» имело в их устах уничижительное значение»

, —
писал впоследствии Троцкий
в своей
книге «Сталин».

В группу Тухачевского входили тогда известные представители командования Красной Армии: Якир, Корк, Уборевич, Фельдман и другие. Все они в свое время побывали в

Германии,
как, например:
М.Н. Тухачевский —
в качестве
главы военной миссии;
Якир —
учился
на курсах
Генерального штаба;
Корк —
был военным атташе
в Берлине.

В этой
связи
на них
определённое влияние оказала немецкая военная школа, оснащённость
и структура
армии этой страны.

Другие заговорщики часто встречались с германскими военными в официальной обстановке или имели родственников за границей:

Путна,
Уборевич —
в Литве,
Якир —
в Бессарабии,
Эйдеман —
в США.

Особенно тесные отношения у Тухачевского сложились с троцкистом Путной, являвшимся военным атташе в Лондоне, Токио, Берлине, и Яном Гамарником — первым заместителем наркома обороны, начальником Политического управления Красной Армии, считавшимся лучшим другом рейхсверовских генералов Секта и Хаммерштейна. Эта тройка во главе с Тухачевским и стала инициатором создания германофильской мафии внутри высшего руководства Красной Армии.

Большая дружба связывала Тухачевского с Троцким, благодаря чему он в 24 года стал командармом и позднее поднимался по службе как на дрожжах. Поэтому Троцкий всегда рассматривал Тухачевского как главную карту, которая должна быть разыграна в самый ответственный и решающий момент. Он поддерживал с ним связь с помощью полпреда

в Германии
Крестинского
и Путны
и был
в курсе
всех дел группы Тухачевского.
В дальнейшем
Троцкий сообщил
о наличии
этой группы
в составе
Вооруженных Сил СССР Бухарину. Однако Троцкий
и Бухарин
боялись Тухачевского
из-за
его презрения
к «политикам»
и «идеологам»,
из-за
его бонапартистских замашек.

Об этом затем показал на суде сам Бухарин: *«Поскольку речь идёт о военном перевороте, то в силу самой логики вещей будет необычайно велик удельный вес именно военной группы заговорщиков... и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками, так называемыми вдохновителями, по наполеоновскому образцу. Я всегда в разговорах называл Тухачевского „потенциальным наполеончиком“, а известно, как Наполеон расправился с так*

называемыми идеологами».

В этой связи Бухарин и Томский стремились направить военный путч в нужное им русло, чтобы на определенном его этапе обвинить Тухачевского и его ближайших помощников в измене и убрать с намеченного ими пути.

К тому времени оппозиция твердо встала на путь совершения государственного переворота. В этой связи Ягода показал тогда, что *«в Кремле была создана военная заговорщическая организация, которая в любой момент была готова совершить переворот».* Этот факт красноречиво подтвердили в своих показаниях на процессе 1938 года также Крестинский, Рыков, Бухарин.

По показаниям Рыкова, «вопрос о „дворцовом перевороте“ встал в 1933 году. Опорой для его осуществления являлся Енукидзе. Большую роль играл Ягода, возглавлявший ОГПУ... Первая информация была о группе кремлёвских работников, и особенно тут фигурировали Ягода, Петерсон, Горбачев, Егоров — начальник кремлевской военной школы. Несколько раз Томский мне сообщал о привлечении через Енукидзе

и Егорова
группы военных
во главе
с Тухачевским,
которые тоже были подготовлены
к этому
плану
и ведут
в этом
направлении работу. Он назвал фамилии Уборевича, Корка».

Как видно из вышеизложенного, основная надежда при совершении государственного переворота возлагалась на Тухачевского, но и в то же время против него и членов военной группы со стороны Троцкого и Бухарина готовилась западня и расправа.

Однако не они одни прочили подобную участь высшим военачальникам Красной Армии. В это же время с согласия Гитлера шеф службы безопасности нацистской Германии (СД) Гейдрих начал осуществлять план компрометации советского военного руководства во главе с Тухачевским с целью обезглавить Красную Армию в ответственный исторический период — накануне развязывания Гитлером войны против Советского Союза.

Активную помощь в этом Гейдриху оказала белая эмиграция в лице ярого антисоветчика, царского генерала Скоблина, который не мог простить Тухачевскому, дворянину-офицеру, измены и перехода на сторону большевиков. Располагая данными о назревавшем заговоре в руководстве Красной Армии во главе с Тухачевским и о связях заговорщиков с германским генштабом, он решил довести их до шефа С.Д. Гейдрих же, со своей стороны, не стал глубоко вникать в существо заговора и решил использовать эту информацию в своих целях — нанести удар по высшему командованию Красной Армии.

В этой связи были сфабрикованы подложные документы и умело доведены до советского руководства и лично до Сталина.

Необходимо также признать, что Тухачевский и сам способствовал проведению против него провокаций. Дело в том, что в
начале
1936 года

он, как советский военный представитель, присутствовал
в Лондоне
на похоронах
короля Георга V.
По пути
туда Тухачевский сделал краткие остановки
в Варшаве
и Берлине,
где имел встречи
и беседы
со Львом
Давыдовичем, польскими
и немецкими
генералами,
в ходе
которых
не скрывал
своих взглядов
на будущие
события
в СССР,
и восхищения
немецкой военной машиной.

Возвращаясь из Лондона, Тухачевский остановился в Париже. На обеде в советском посольстве он удивил присутствовавших на нем западных дипломатов откровенными нападками на советское правительство, проводившее политику коллективной безопасности.

Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Н. Титулеску, Тухачевский громко заявил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция.
Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии,

*по крайней
мере,
в течение
некоторого времени будет принадлежать гегемония
на Европейском
континенте.
Я уверен,
что Гитлер
означает спасение
для нас
всех».*

Это заявление Тухачевского было записано присутствовавшим на обеде румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже
Э. Шакананом Эссезом.

Об этом же писала впоследствии в своей книге «Меня называют Кассандрой» известная французская журналистка Женевьева Табуи. «

*В последний
раз
я видела
Тухачевского
на следующий
день после похорон короля Георга V.
На обеде
в советском
посольстве русский маршал много говорил
с Политисом,
Титулеску, Эррио
и Бонкуром...
Он только
что побывал
в Германии
и расписывался
в пламенных
похвалах нацистам. Сидя справа
от меня
и говоря
о воздушном
пакте между великими державами*

*и Гитлером,
он,
не переставая,
говорил: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил
с такой
уверенностью?
Не потому
ли,
что ему
вскружил голову сердечный приём, оказанный немецкими генералами, которым нетрудно
было сговориться
с этим
представителем старой русской школы? Так
или иначе,
в этот
вечер
не я одна
была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один
из гостей,
крупный дипломат, проворчал мне
на ухо,
когда мы покидали посольство: «Надеюсь,
что не все русские
думают так».*

В это же время Сталину вновь доложили, что Троцкий в своих выступлениях неоднократно заявлял, ЧТ
о «недовольство
военных диктатом Сталина ставит
на повестку
дня их возможное выступление». В своей
последней работе «Преданная революция» он призывал коммунистов России совершить
государственный переворот,
а также
заявил, что, если Германия развяжет войну против СССР, Сталину
не избежать
поражения.

Эта информация заставила Сталина окончательно поверить, что профашистский заговор

в Красной
Армии существует
и представляет
реальную угрозу.

Можно представить, что бы было сейчас в нашей стране, если бы её руководители получили такую информацию.

С другой стороны, Тухачевский и другие участники готовящегося переворота были весьма обеспокоены арестами в армии и органах госбезопасности, в связи с чем на конспиративной встрече приняли решение ускорить подготовку переворота, который они наметили на начало мая 1937 года, но не позднее 15 числа.

Однако заговорщики слишком долго совещались и готовились. В сложившейся обстановке советское руководство не могло больше медлить перед угрозой военного переворота и 11 мая приняло решение об освобождении Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского от занимаемой должности заместителя народного комиссара обороны и назначении его командующим Приволжским военным округом. Были сняты с занимаемых постов и другие участники заговора, а Корк

и Эйдеман
арестованы
по обвинению
в тайных
сношениях
с военной
разведкой фашистской Германии. Несколько раньше были арестованы главные
руководители заговора: Бухарин, Рыков
и другие.
Томский покончил жизнь самоубийством. Его примеру последовали Гамарник
и комендант
Кремля Рогов. Аресты прокатились
по всему
Советскому Союзу,
и им
подверглись все, кто был причастен
к «пятой
колонне».
В этот
водоворот арестов тогда попали многие советские граждане, которые пострадали
наравне
с преступниками.

11 июня 1937 года началось закрытое заседание Особого военного трибунала
Верховного суда Союза ССР, перед которым предстали: бывший Маршал Советского
Союза М.Н. Тухачевский и семь его сподвижников из числа высшего
командного состава: И.Э. Якир, бывший командующий войсками Украинского военного
округа; М.П. Уборевич, бывший командующий войсками Белорусского военного округа;
Р.П. Эйдеман, бывший председатель Центрального совета Осоавиахима; А.И. Корк,
бывший начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе;

Б.М. Фельдман, бывший начальник Управления кадров Красной Армии; В.М. Примаков,
бывший командующий войсками Харьковского военного округа; В.И. Путна, бывший
военный атташе в Лондоне, Токио, Берлине.

Процесс проходил по правилам военного судопроизводства, то есть при закрытых
дверях, так как был связан
с военной
тайной. Председательствовал

на суде

В.В. Ульрих, членами Особого военного трибунала Верховного суда Союза ССР были: маршалы Советского Союза С.М. Буденный

и В.К. Блюхер,

командармы

I ранга

Б.М. Шапошников

и И.П. Белов,

командармы

II ранга

Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин

и комдив

Е.И. Горячев.

На суде все подсудимые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. При этом

Примаков заявил,

что всех

заговорщиков объединяло знамя Троцкого

и приверженность

фашизму. Он дал показания более чем

на 70 человек,

входивших

в военно

-фашистский заговор.

Тухачевский ещё на следствии заявил и дал подписку Вышинскому, что признает себя виновным

и никаких

жалоб

не имеет.

И вот на суде перед прославленными советскими высшими командирами на скамье подсудимых сидели

не менее

известные бывшие военачальники. Трудно себе представить,

что происходило

за закрытыми

дверями,

но единогласное
решение
при определении
виновности даёт право утверждать,
что заговор
имел место,
что предъявленные
обвинения соответствовали действительности
и что приговор
был справедливым.

Мало того, никто из подсудимых — а это были волевые, испытанные в боях люди — в своём
последнем слове
не воспользовался
правом, чтобы заявить
о неправильности
и жестокости
следствия, нарушении процессуальных норм
или обжаловании
обвинительного заключения.

12 июня Военный трибунал вынес приговор. Все подсудимые были приговорены к
расстрелу.
В течение
двадцати четырех часов приговор был приведён
в исполнение.

После процесса над советскими военачальниками посол США в Москве Д.Э. Дэвис,
проанализировав положение
в Советском
Союзе, направил
в госдеп
28 июня
1937 года
секретную телеграмму
за №
457,
в которой

опроверг нелепые слухи
о массовом
недовольстве
и неминуемом
крушении советской власти.

*«Что касается
дела Тухачевского,*

—

писал

он, —

*то корсиканская опасность пока
что ликвидирована».*

В этих условиях органы НКВД продолжали наносить удары по командным и политическим кадрам Красной Армии, в результате чего было арестовано и осуждено около 10 тысяч человек.

Все они обвинялись как соучастники заговора Тухачевского и пособники нацистской и японской разведок.

В такую цену обошлись для Красной Армии и советского народа авантюра и заговор

Троцкого-Тухачевского

и их

ближайших сподвижников. Такова трагедия корсиканского безрассудства.

Несомненно, что все эти действия оппозиции, связанные с покушением на советскую власть

и её
руководителей, заставили принять срочные
и серьёзные
меры
по обеспечению
надежной охраны советских руководителей
и государственной
безопасности страны. Особое значение
при этом
уделялось охране И.В. Сталина, которую только
что возглавил
генерал-лейтенант Н.С. Власик. Она была укомплектована самыми отборными
сотрудниками, обеспечена новейшими видами вооружения
и Современными
транспортными средствами.
С началом
войны служба его охраны была значительно усилена,
и главным
образом
на трассах
проезда
и при проведении
крупных общественно-политических мероприятий.

В военные годы диверсионно-террористические центры абвера не раз предпринимали
попытки покушений
на советских
лидеров.
Об этом
имели место многочисленные сигналы, полученные советской разведкой
по своим
каналам,
а также
от агентов
и диверсантов,
захваченных
на территории
СССР. Поэтому
во время
массовых мероприятий, таких, как выступление И.В. Сталина
6 ноября
1941 года
на торжественном

заседании
по случаю
24-й
годовщины Великой Октябрьской социалистической революции,
на параде
войск
7 ноября
и в других
местах, были приняты повышенные меры безопасности.

Эти мероприятия играли исключительную роль в поднятии морального и боевого духа защитников Москвы
и всех
советских людей.
Все видели,
что Сталин
и руководство
страны
в тот
грозный
и ответственный
час находились
в Москве,
на переднем
крае обороны столицы
и страны
в целом.

Речи И.В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 года несомненно имели огромное историческое значение. Однако мало кто знает, что в это время произошёл один курьёзный случай, в результате которого оказалось записанным на плёнку лишь начало речи, произнесённой И.В. Сталиным на Красной площади.
То ли
из-за
мокрого снега, который шёл тогда непрерывно,
то ли
по другим

причинам отсырела плёнка,
и сделать
полностью запись
не сумели.
Все хорошо
понимали,
что представляла
собой эта речь, которую предстояло затем транслировать
по радио.
Забегали
по кабинетам
ЦК партии руководители радиовещания.
Кто-то
в то
горячее время
всё же
набрался смелости, обратился непосредственно
к Сталину
и рассказал
о случившемся.
Иосиф Виссарионович вновь зачитал речь перед микрофоном,
но только
уже
в своем
кабинете.

Война ещё больше усилила фактор подготовки и проведения террористических актов
против Сталина и его
соратников
с целью
нанести удар
по советскому
руководству
и стране
не только
на фронте,
но и в тылу.
В эти
годы были задуманы, тщательно готовились
и проводились
«Цеппелином» дерзкие акты
по физическому
уничтожению руководителей нашей страны, высоких военачальников, учёных

и других
известных советских деятелей.

В 1942 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за
работой
сотрудников службы безопасности
при проезде
из Кремля
и по улице
Куйбышева автомашин
с руководителями
партии
и правительства.
Он примелькался службе охраны,
и его
стали принимать
за своего
сотрудника.
6 ноября
его привезли
на Красную
площадь
на автомашине
с оружием,
и он
представился сотрудником безопасности, назначенным
на этот
участок
для усиления
охраны
в предпраздничные
дни.

Когда из Кремля вышла машина с А.И. Микояном, этот террорист вскочил внутрь
Лобного места и открыл оттуда огонь п
о автомашине.
Он стрелял метко
и расчетливо,
но пули
его отскакивали
от брони

автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушёл от обстрела.

В борьбу с террористом вступили чекисты: лейтенанты Л.А. Степин и Е.А. Вагин и капитан Цыба.

В перестрелке был тяжело ранен в ногу лейтенант Степин (впоследствии генерал-майор, скончался 11 сентября 1989 года).

Однако капитан Цыба успел метнуть гранату внутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба и Вагин бросились туда и схватили его. Он скончался, так и не сказав, кто он такой и по чьему заданию совершил террористический акт.

За свой подвиг в борьбе с террористом лейтенант Степин был награждён орденом Красного Знамени, а капитан Цыба и лейтенант Вагин — орденами Красной Звезды.

В ноябре 1943 года в Тегеране состоялась встреча «Большой Тройки», глав правительств СССР, США и Англии. Этой встрече предшествовала очень серьёзная и тщательная подготовка

с точки зрения принятия повышенных мер безопасности. Незадолго до её проведения советская разведка, располагавшая агентурными возможностями в «Цеппелине», получила убедительные данные о том, что гитлеровские спецслужбы подготовили чудовищную террористическую акцию против руководителей великих держав: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Эти данные подтвердились и другими источниками, в частности, информацией, полученной по своим каналам известным советским разведчиком Н.И. Кузнецовым.

По прибытии в Тегеран Сталин предложил Рузвельту по соображениям безопасности поселиться
в отведенной
ему резиденции
в советской
зоне,
на что тот дал свое согласие. Принятые меры безопасности позволили тогда сорвать в зародыше планы фашистской разведки и успешно провести совещание глав великих держав.

28 февраля 1944 года при проезде через лесной массив в окрестностях г. Ровно был убит бандеровскими бандитами командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин.

В сентябре 1944 года под Москвой сотрудники госбезопасности захватили опасных террористов, специально подготовленных
Гитлера с санкции

и Гимmlера:
некоего Таврина, имевшего поддельные документы Героя Советского Союза,
и его
«жену»-радистку, которые должны были
6 ноября
проникнуть
в Большой
театр
на торжественное
собрание, посвященное
27-й
годовщине Великого Октября,
и совершить
покушение
на советских
руководителей,
и в первую
очередь
на Сталина.

Все эти акции и сигналы о покушениях, вынашивавшихся
диверсионно-террористическими центрами абвера, рассматривались
на самом
высоком уровне советского руководства,
и по ним
принимались дополнительные
и более
серьезные меры безопасности членов
и кандидатов
в члены
Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б), высшего командования Красной Армии,
командующих фронтами, видных советских учёных,
а также
Генерального штаба Красной Армии, Академии наук СССР
и других
важных учреждений. Эту службу несли опытные
и верные
своему долгу чекисты, которых отличала высочайшая преданность Родине
и советскому
правительству.

М.С. Докучаев
генерал-майор КГБ СССР